

Александр Анисимович
ОХОТИН

ПОБЕДИТЬ СТРАХ

Александр Охотин

Победить Страх

«Издательские решения»

2015

Охотин А. А.

Победить Страх / А. А. Охотин — «Издательские решения»,
2015

Это продолжение книги «Вовка — брат волшебника». Однажды ученик 4-го класса Сашка Рябинин стал замечать что-то странное в окружающей обстановке. Люди вокруг стали казаться злобными и опасными. Но люди оказались ни при чём. Дело было в энергии Страха, излучаемой слугами Вселенского Зла. Пятиклассник Кирилл Муравкин научил ребят защищаться от энергии Страха, но это не понравилось слугам Вселенского Зла. В результате Сашка и его друзья оказались втянутыми в такие приключения, что и не позавидуешь.

© Охотин А. А., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

Глава 1. Тревожный ноябрь	6
Глава 2. Энергия Страха	10
Глава 3. Суббота, трамвай, рынок	20
Глава 4. Гнездо Зла	25
Глава 5. Мозгопудрик жжёт	29
Глава 6. Артём	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Победить Страх

Александр Анисимович Охотин

© Александр Анисимович Охотин, 2015

© Александр Анисимович Охотин, иллюстрации, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Глава 1. Тревожный ноябрь

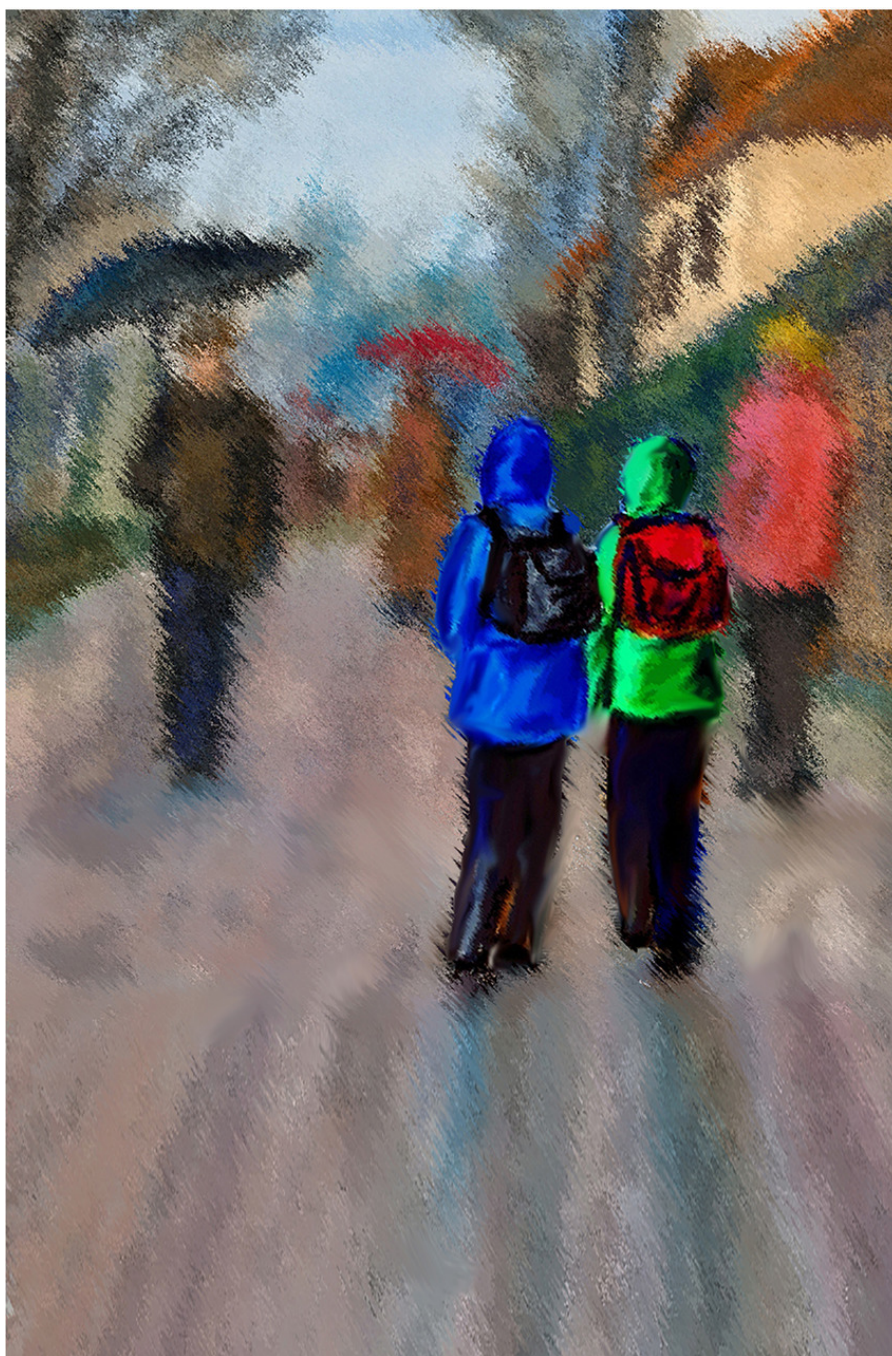
Этот кошмар начался в первых числах ноября, в первые дни осенних каникул. Впереди у меня было целых десять дней свободы. Казалось бы, делай что хочешь: киношки смотри в любое время, с друзьями будь хоть с утра до вечера – гуляй не хочу! Эх, если бы ещё и погода не подводила.

Но дело было не только в погоде, а ещё в чём-то непонятном. Что это было, для меня долго оставалось загадкой. Я даже не знал, как назвать это самое «что-то».

Нет, в первое время было ещё терпимо. Разве что по вечерам, когда на город надвигались сумерки, появлялась эта смутная тревога. Особенно это ощущалось в плохую погоду. Ну а какая погода бывает у нас в ноябре, можно не рассказывать.

А в том году ноябрь лютовал. Не было почти ни одного дня, когда не шёл бы проливной дождь. Иногда вместе с дождём сыпал мокрый снег, который тут же таял. Почти постоянно бушевал сбивающий с ног, пробирающий до костей промозглый ветер. Слякоть на улице была такая, что даже выйти из дома нельзя было без сапог. В некоторых местах без сапог нельзя было даже пройти по тротуарам.

Даже не знаю, как попонятнее объяснить вам это чувство. Короче, дело вот в чём. Идёшь, например, по улице, или, скажем, едешь в трамвае, а может, заходишь в магазин – в общем, не так уж и важно, где ты, лишь бы не дома. Так вот, везде, где бы ты ни был, тебя преследует непонятная тревога. Люди кажутся угрюмыми, злыми. Ощущение такое, будто от них исходит угроза, будто они могут сделать тебе что-то плохое. Как-то нехорошо от этого становилось, неуютно, даже страшно.

Когда это только ещё начиналось, я старался вечерами не выходить из дома. Утром – другое дело. Утром люди как люди: идут по своим делам, лица у них ясные, не злые, не хмурые. Но так было только поначалу, а с середины ноября тревога перестала проходить даже по утрам.

Сначала я думал, что мне это мерещится. А что, может ведь такое быть? Ну, например, из-за погоды настроение такое – «подозрительное». А вдруг не из-за погоды? Вдруг ещё хуже?

Вы можете спросить: «Почему хуже?» А потому и хуже. Я ведь стал подозревать, что у меня не всё в порядке с головой. А что, бывает, что люди с ума сходят.

Но дело оказалось не в голове, то есть мне это не чудилось. И правда, то, что стало происходить в нашем четвёртом «Б», померещиться никак уж не могло, а творилось у нас такое, чего я раньше и представить себе не мог. Казалось бы, до каникул все друзья-товарищи были, а после каникул почти все перессорились. Ладно бы только перессорились. Ну, поссорились, потом помирились. Раньше, что ли, такого не было? Так нет же, дело до жутких драк доходило.

Уж на что Смолина с Сапрыкиной подруги закадычные, так и они подрались, да так, что чуть не выдрали друг другу волосы.

Говорили, что эти ненормальные подрались из-за Тимки. Ага, как же, слушайте враки. Арчибасов-то тут вообще при чём? Он виноват, что ли, что эти дуры влюбились в него и договориться не могут, «чей он». Это они так говорят: «Чей». Вернее, каждая говорит: «Мой!» А что значит это «мой» или «твой»? Он вовсе и не чей-то, а свой собственный. Непонятно им дурам, что ли? А они... Ну точно, дуры. Короче, на перемене подходят они к Тимке, и Сапрыкина спрашивает:

– Тимурчик, ты кого больше любишь, меня или Смолину?

Тимка от них всякого мог ожидать, только не этого. Он даже не сразу врубился, что им от него нужно. Вообще-то, они его давно доставали своими глупостями. Они ему так надоели, что хоть в школе не показывайся. Ну, короче, он им и говорит:

– Вы что, спятили? Отстанете вы от меня когда-нибудь или нет?!

А что, правильно он им сказал. А они после этого ещё сильнее друг на друга злиться стали:

– Это всё из-за тебя, Анечка... – это Смолина говорит. – Из-за тебя Арчибасов ко мне равнодушен стал.

А Сапрыкина:

– Нет, Оленька. Это из-за тебя он ко мне охладел.

Интересно, это они из любовных романов, что ли, таких слов нахватались?

А дуры – они и есть дуры. Слово за слово, ну, и дошло у них до драки. Их тогда еле растащили. Даже тем, кто их разнимал, от этих умалишённых досталось тумачков.

Ну и ладно, пусть себе дальше с ума сходят. Что с них возьмёшь – с Сапрыкиной и Смолиной? Они ведь и раньше были ненормальными. Просто у них произошло обострение. Вот Тимка – другое дело. Он-то как раз нормальный, в отличие от Смолиной и Сапрыкиной. Да и Вовка Муравкин из нашего четвёртого «Б», и его старший брат Кирилл из пятого «А». У них-то крыша не съехала. А вот о многих других этого не скажешь.

Такой ужас стал твориться не только в школе, это происходило повсюду. Продавцы бранились с покупателями, покупатели – с продавцами. Пассажиры в трамвае ссорились друг с другом и с кондуктором. На улице – хоть вообще не показывайся. Это из-за пьяных. А пьяных стало ужас как много.

Вообще-то алкозаврики нам были бы по барабану, если б не задевали. Хотят поскорей «в ящик сыграть» – ну и флаг им в ру... то есть... бутылку им в руки. Вот только они стали ко всем приставать, задираются, ну и нас задели.

Нет, вы только представьте. Идём мы с Тимкой и Маринкой Беневоленской из школы. Дорога через пустырь лежит, как раз мимо нашего уличного стадиона. Идём, значит, никого не трогаем, а на нашем стадионе три алконурика «напитки» распивают. Ясное дело – не чай. Один оборачивается в нашу сторону и говорит, еле ворочая языком:

– Вы чё тут шатаетесь?! Чё вам тут надо?! Хотите по мордасам схлопотать?!

Надо же! Это мимо нашего же стадиона, который мы же и построили с помощью ЖЭКа, нам же и ходить запрещают! И главное кто – алкозавры какие-то недодохнувшие. Это они вот «чё» на нашем стадионе пьянствуют?

Ну ладно, идём мы своей дорогой, ничего не отвечаем. Не хотим мы с ними связываться. Но тут второй алкаш «подключился к делу». Говорит собутыльникам:

– Не, вы видали? Разговаривать с нами не хотят – не уважают.

Потом третий:

– Ща мы их научим нас уважать...

Да уж, если бы не Тимка, плохо бы нам пришлось. Хотя... Знаете, я ведь тоже кое-что умею. Ну ладно, об этом я вам ещё расскажу.

Короче, Тимка, когда они на нас попёрли, даже слова им не сказал. Он за пять секунд отправил их «купаться». Он это умеет. Прямо Брюс Ли какой-то. Или Жан-Клод Ван Дамм. А лужа от дождей разлилась огромная, глубже, чем им по колено. Они долго барахтались в той луже, пока выбирались. «Искупались» они классно – в баню не ходи.

В общем, в городе творилось чёрт-те что, а что творилось, я узнал от Вовкиного брата.

Глава 2. Энергия Страха

В тот день, когда подрались Смолина и Сапрыкина, к нам в класс на последней перемене заглянул Вовкин брат Кирилл. Он позвал меня, Тимку и Вовку в коридор, точнее, на лестничную площадку. Туда, где запасной выход. Там всегда можно поговорить, чтоб никто не подслушал. Короче, приходим туда, и Кирилл задаёт нам вопрос:

– Пацаны, вы заметили, что в городе творится что-то страшное?

Я сразу понял, что он об этом. Ну, о чём я вам рассказывал вначале. Я и говорю ему, что да, мол, заметил, но не понимаю, почему так стало. Ну, и Тимка тоже сказал, что заметил и не понимает.

А Кирилл нам говорит:

– Не только вы не понимаете. Даже Главный Хранитель Миров не может понять, отчего всё так. А дело нешуточное. Если это не остановить, будет катастрофа. Давайте после уроков соберёмся на «гиблом месте». Там все будут. Я расскажу хотя бы то, что знаю. Будем думать, что с этим делать.

Когда он это сказал, я подумал, что там и правда будут все. Ну, то есть весь отряд. А что, неплохо было бы снова повидаться с друзьями из Мира Снов и из Солнцеграда. Но Кирилл, когда я его об этом спросил, меня огорчил. Он сказал, что только наши, городские, будут. Ну, ещё из Кошелихи. А из Солнцеграда и Мира Снов никого не будет. Я расстроился, конечно. Спрашиваю:

– А почему их-то не будет?

А Кирилл:

– Сань, ну ты и вопросы задаёшь. Ты подумай: как они пройдут из своих пространств в наше?

– А ты? Ты же можешь их провести. Ты же солнцеградских проводил в наше пространство. И из Мира Снов проводил.

– Проводил, но тогда нам без них пришлось бы туго. Они к тому же в курсе событий. Им Главный Хранитель Миров рассказал, что знал. Понадобятся – другое дело. Тогда или я, или Главный Хранитель телепортируем их в наше пространство.

Кирилл, видимо, заметил, как я расстроился, и пообещал:

– Ты, Сань, не парься насчёт этого. В летние каникулы мы снова соберёмся все вместе. Ещё и по разным мирам путешествуем, в Мире Снов побываем, наведемся к Главному Хранителю.

Ну ладно, договорились мы собраться на «гиблом месте». Это в парке «Швейцария», на берегу Оки. Мы там всегда собираемся, если надо без посторонних поговорить о чём-нибудь важном.

Та часть берега почти всегда безлюдна, народ то место за версту обходит. А дело всё в том, что о «гиблом месте» ходят по городу нехорошие слухи. Даже не просто нехорошие, а зловещие.

Ну и ладно, пусть ходят. Зато там не водятся посторонние уши, потому что из-за тех слухов ходить туда мало кто осмеливается. Ну, а мы ведь знаем, что все слухи – обычный пустозвон. Ну, то есть... не все, конечно.

Итак, после уроков я, Тимка и Вовка пошли в парк, а Кирилл отправился за кошелихинскими. Погода стояла ни то ни сё. Без дождя, правда, но всё равно было сумрачно и холодно. А ещё грязь, лужи. Мы от школы к проспекту Гагарина еле пролезли, настолько там всё развезло. А ведь ещё летом обещали насыпать туда гравий, сделать асфальтовую дорожку. Время как всегда протянуло и ничего не сделали.

Так вот, к проспекту Гагарина мы кое-как пролезли. Встали у перехода и ждём, когда загорится на светофоре зелёный сигнал. Загорелся, и мы пошли через дорогу. Только мы ступили на проезжую часть, как нас чуть не сшиб какой-то псих на «крутой иномарке». Проскочил прямо на красный свет со скоростью самолёта. Окатил нас брызгами с ног до головы.

Да, жаль, Кирилла с нами не было, а то далеко бы тот псих не уехал. Хотя... он, похоже, и так уехал не очень далеко. В общем, тому психу было бы даже лучше, если б его «повоспитывал» Кирилл. Кирилл это умеет. Страха тот лихач натерпелся бы, зато остался бы жив, а так... В общем, вечером в новостях передавали, что разбился какой-то важный чиновник. Это случилось как раз на проспекте Гагарина, за Дворцом спорта. Да и машина такая же, какую мы видели, и по времени совпадает.

Я после того случая, когда дорогу перехожу, смотрю не только на светофор. Я ещё смотрю по сторонам. А вдруг опять какой-нибудь идиот на красный свет пойдёт? А что, придурков за рулём у нас хватает, особенно тех, которые на крутых иномарках.

Ну вот, перешли мы, значит, на другую сторону, вошли в парк и вскоре были на гиблом месте. Я уселся на бетонную плиту на краю обрыва. Ту плиту, наверное, забыли там какие-нибудь «античные строители», вот и лежит она у обрыва со времён царя Гороха. Вовка и Тимка забрались на плиту. Тимка, как обычно, ходил по ней с места на место, Вовка просто стоял, переступая с ноги на ногу. Вот так мы сидели-стояли-ходили там.

С реки дул не очень сильный, но противный и мокрый ветер. Небо было сплошь затянуто низкими мрачными тучами. Опавшие листья на земле перемешались с грязью. Грустная картина. А тут ещё этот вечный заколдованный туман над рекой, добавляющий невесёлых красок в угрюмый осенний пейзаж.

Пока мы ждали Кирилла и остальных, успели о многом поболтать. Больше, правда, говорили о разных пустяках. Вовка, например, вспомнил, что Таракан так и не вернул ему книжку, которую перед каникулами взял на два дня почитать.

Да нет, что вы такое подумали! Не настоящий таракан, конечно. Это «милейшее одомашненное насекомое» тут вовсе ни при чём. Таракан – это прозвище нашего одноклассника Тараса Канторова. Он, кстати, не обижается на прозвище, хоть оно и дурацкое.

Не забыли мы поговорить про Сапрыкину и Смолину. Ну, о том, что они дуры. Тимка пообещал их убить, если они ещё будут к нему приставать. Да нет, вы не подумайте ничего такого. Это он только сказал, что убьёт. На самом деле он не собирается никого убивать, а вот пошлёт их, наверное, ужас как далеко.

Итак, Кирилла ещё не было. Не было ни Гели, ни кошелихинских. Зато «нарисовался» какой-то пьяный дядька. Вот тебе и безлюдное место. Короче, дядька идёт прямо к нам. Останавливается метрах в десяти от нас и орёт:

– Эй, Ур-р-роды! А ну-ка, дайте закуррить! Живо!

Это у нас-то? У четвероклашек? Закурить? Ещё и обзывает. Я-то сразу понял, что он задирается, и точно, не ошибся. Вовка говорит ему, что мы не курим, а он орёт:

– Мне по барабану, курите или нет! Когда вас, подонков, просят дать закурить, вы обязаны дать закурить! Вы должны носить с собой сигареты и спички на случай, если я, потребую дать закурить! Давайте, живо! Кому сказано! Живо, я сказал!

– Дядь, – говорит Вовка, – мы ведь тебя не трогаем? Не задирайся, а? Ну, иди куда шёл, ну пожалуйста...

Он сказал ему это спокойно, вежливо даже, а дядька заорал:

– Чё ты вякнул?!

Ну, Вовка заводной, он разозлился и говорит ему, передразнивая:

– Чё слышал!

А дядька орёт:

– Да я те шас... ну-ка, ты, сопляк! Иди сюда!

Мы ждём, что будет дальше. Мне сразу стало не по себе. Я ведь трус, хотя никто из ребят этого не знает. А дядька продолжает орать:

– Иди сюда, сказал! Иди сюда! Ты чё, в натуре! Ты не понял?! Иди сюда!

Тимка ему говорит.

– Дядь, ты бы лучше сам шёл куда шёл и не приставал. Ну что тебе от нас надо? Мы ведь ничего тебе не сделали.

А мужик в ответ, уже Тимке:

– Чё?! Ну-ка, ты, щенок! Тоже иди сюда! Ну, кому сказал! Я Галкин! Ты чё, не понял?! Галкин я!

– Да хоть Скалкин, – говорит Вовка, – нам по барабану. Вы от нас никаких «закурить» не получите, гражданин Гадюкин.

Галкин просто остолбенел от такой наглости. Тимка спрыгивает с плиты, поднимает с земли такой же древний, как и плита, красный кирпич и говорит:

– Галкин-Скалкин, посмотри сюда, – с этими словами он подкидывает кирпич и ударом кулака разносит его буквально в пыль.

Галкин от этого даже протрезвел, по ходу. А Тимка ему:

– Дядь, ты понял, что будет, если я подойду? Этот кирпич покрепче твоей пьяной башки, так что лучше уходи и не задирайся.

Это произвело эффект. Дядька больше не орал «иди сюда». Он стоял с открытым ртом и округлившимися глазами. Мы ждём, когда он уйдёт, а он стоит, не уходит. Тогда Тимка решительно направляется к этому Галкину-Скалкину, и... Эх, видели бы вы, какого стрекача задал этот Галкин. Ломанулся прямо сквозь кусты – только хруст стоял.

Короче, за секунду Галкин исчез в неизвестности, а к нам как раз подошла Геля. Вообще-то её Ангелиной звать. Это мы зовём её Гелей. Ну, не только мы, а все, даже её родители. Она учится во втором классе, только не в нашей школе.

Малявка, скажете? Так вот знайте, что эта «малявка» любому сто очков форы даст. Она знает как в тире стреляет из «воздушки»! Попадает не целясь! А главное, ничего на свете не боится.

Кстати, стрелять она умеет не только из воздушки и не только в тире. Это её папа-милиционер... ну, то есть полицейский... так стрелять научил. Знаете, если бы не её умение стрелять из пистолета и не её отчаянная смелость, я бы сейчас не рассказывал вам эту историю, а «отдыхал» на кладбище. Да уж, было у нас приключение – не позавидуешь.

Итак, подошла она к нам и говорит:

– Приветик. А что это за дяденька был?

– Что ли, кто знает? – ответил Вовка.

А Тимка:

– Приключений искал на свою пьяную башку. Почти что нашёл.

– Ясненько. А где Кирилл?
– Скоро будет, – говорит Вовка. – Он в Кошелихе. Отправился за Ромкой и за Беловыми.
– Ясненько. Значит, и Гриневский будет?
– Ага.
– И Юля с Васей?
– А то!
– Вов, а зачем Кирилл сказал, чтобы мы собрались?
– Пусть лучше он сам расскажет. Слушай, а у вас как дела в школе? Ребята ссорятся?
– Ага, даже дерутся, даже девочки. А ещё учителя переругались. Знаешь, как они обзывали друг друга! А ещё нас учат: «Так говорить нельзя-а-а, где вы такие слова слы-ы-ышали...»
А мы от них, может, и слышали.

После Гелиного рассказа настроение у меня совсем упало. Я понял, что в городе творится что-то и правда страшное.

И вот, наконец, появился Кирилл, а вместе с ним и кошелихинские: Ромка Гриневский, Васька с Юлькой Беловы. Они вместе с Кириллом возникли прямо из воздуха. Это называется телепортацией – внепространственным перемещением. А до Кошелихи, между прочим, почти сто километров. Во как!

Кстати, Кирилл у нас за главного. Нет, не потому, что он старше. Ромка, например, старше Кирилла почти на полгода. А в Солнцеграде и в Мире Снов есть ребята из нашего отряда, которые на несколько лет старше Кирилла. Так что дело не в том, кто старше, а в том, что Вовкин брат самый что ни на есть настоящий волшебник. Да-да, не удивляйтесь, так оно и есть. Он учился магии у Главного Хранителя Миров. Кирилл давно постиг Великое Знание, а в школу теперь ходит только для того, чтобы никто ничего не заподозрил. Короче, Кирилл у нас командир, а мы бойцы отряда Армии Света.

Итак, мы все были в сборе. Обменялись новостями. Кошелихинские нам поведали свои новости, мы им – наши. Потом Кирилл рассказал нам о том, что происходит в городе. И вот что мы узнали:

«Есть во Вселенной особые кометы. В магоастрономии их называют кометами страха. Обычные астрономы о них ничего не знают, потому что эти кометы невидимые.

Кометы страха – посланники Вселенского Зла. Они ищут в космосе обитаемые миры, чтобы сеять там панику, раздор и прочее зло. Пролетая вблизи обитаемой планеты, они воздействуют на неё энергией страха, и там начинает твориться то, что сейчас творится у нас.

Обычно это длится недолго. Ведь планеты движутся, и кометы тоже не стоят на месте. По законам небесной механики кометы не могут долго следовать за планетами, потому что не могут менять курс по своему хотению. Вот почему их действие быстро заканчивается.

Но в этот раз происходит что-то непонятное. Наш город уже почти месяц подвергается действию энергии страха. Мало того, площадь облучения быстро увеличивается.

Пока никто не смог найти источник излучения. Этого не смог сделать даже Главный Хранитель Миров. Известно лишь, что ни одной кометы страха поблизости от Земли сейчас нет...»

Когда Кирилл закончил рассказ, Тимка сказал:

– Кир, надо же что-то делать. Так же нельзя, так же все перессорятся и передерутся.

– Не передерутся, – ответил Кирилл. – Ну, то есть не все перессорятся и передерутся. Энергия Страх подчиняет себе только слабовольных людей, особенно тех, в чьих душах затаились ростки Зла. На людей с сильной волей это не действует. На них вообще ничто пакостное не действует. Например, человек с сильной волей никогда не станет наркоманом, алкоголиком, никогда не будет пробовать курить, подражая неумным сверстникам. Вот и энергия страха не заставит его без причины с кем-то ссориться, драться. Ведь мы же не перессорились.

Я тогда спрашиваю:

– Кирилл, это что, это у нас у всех сильная воля, что ли?

А он говорит:

– А ты как думал? Слабовольных людей, трусов всяких, не приняли бы в отряд.

Ну, я, конечно, чуть собой не загордился. Вот бы ещё и вправду смелым стать, тогда уж точно – сильная воля. Кстати, что он там сказал про трусов? Не приняли бы? Ага, а меня принял. Впрочем, никто не знает, что я трус.

Ну ладно, сказал, значит, Кирилл про сильную волю, что таких людей энергия Страха не подчинит себе. Потом говорит:

– Но с этим всё равно надо что-то делать.

Вовка на это:

– Я знаю один способ.

– Какой? – спрашивает Кирилл.

– Это просто, но этого всё равно, наверное, мало.

– Ну а всё-таки?

– Светлая аура. Она порождает энергию Добра. А энергия Добра, сам знаешь, убивает энергию Страха. Жаль только, что людей со светлой аурой у нас мало.

Я, конечно, ничего не понял. Какая-то аура, энергия Добра... Что это вообще такое – аура? Я его и спросил об этом. Вместо Вовки Кирилл объяснил:

– Аура – это структура, состоящая из разных полей. Она связана с любым живым организмом, даже с растением. Аура может менять свои свойства от разных условий. Некоторые люди могут видеть ауру. Так вот, на вид она может быть светлее или темнее, может принимать разные цвета. Короче, Вовчик хорошую идею подал. Всё дело в том, что посланники Зла боятся людей со светлой аурой, встреча с такими людьми для них может быть смертельной.

Ромка говорит:

– Кир, но Вова сказал, что таких людей мало.

– На самом деле не так уж и мало, – ответил Кирилл, – хотя раньше было больше.

– А почему теперь стало меньше? – спросила Юля. Кирилл ответил:

– Это потому, что у людей не стало светлой мечты. Главный Хранитель Миров рассказывал, что раньше у всех людей в нашей стране была общая добрая цель. Они мечтали построить страну светлого будущего, чтобы все люди были счастливы. То есть люди стремились к Добру. А у того, кто стремится к Добру, кто вершит добрые дела, помогает тем, кому нужна помощь, аура становится светлее. Теперь этой мечты у людей нет. Люди стали разобщёнными, и каждый думает лишь о своём благе. Ауры таких людей становятся темнее.

– Совсем-совсем нет мечты? Ни у кого? – спросила Геля.

– Ну, почему же ни у кого. Есть же наш отряд, есть Армия Света. К сожалению, становясь взрослыми, многие забывают о прежних друзьях, о мечте.

– Неправда! – чуть не со слезами сказала Геля. – Я никогда-никогда не забуду! Мы ведь всегда будем дружить, правда?

– Да, конечно, – ответил Кирилл. – Мы ведь поклялись в этом. Ты же знаешь, что и взрослые не все предают мечту и дружбу.

– А что делается с которыми... ну... которые предают? – спросила Геля.

– Ничего особенного с ними не делается. Просто они перестают жить.

– Умирают?!

– Нет, ещё хуже. Они и не умирают, и не живут. Их жизнь становится бессмысленным существованием, многие становятся пьяницами, и не только пьяницами, а кое-кем похуже. Для многих целью жизни становятся деньги. Это страшно, потому что когда деньги превращаются для человека в смысл его жизни, его душа умирает. А есть и такие люди, которые за деньги готовы пойти на любое злодеяние. Такие люди без колебаний предадут и продадут кого угодно, даже родную мать. Ради денег такие люди могут даже убить.

– Ну да?! – удивилась Геля. – Неужели можно предать маму или папу или всё равно кого? И разве можно из-за денег убивать?

– Нельзя, конечно, но эти люди могут. Они несут Зло, потому что сами становятся частью этого Зла. Кстати, именно такие люди, и породили Вселенское Зло. Вселенское Зло возникло из совокупной энергии, порождаемой аурами злых, алчных и жестоких людей. В общем, нетрудно догадаться, какая у тех людей аура.

– Тёмная?

– Да, точнее чёрная. К счастью, таких людей пока не большинство, но их становится всё больше и больше. С этим надо бороться, пока не поздно.

– Кир, а можно сделать, чтобы ауры у людей посветлели? – поинтересовалась Геля.

– Людей с чёрной аурой уже не исправить, – разочаровал нас Кирилл.

– А как же быть? Ведь если людей со светлой аурой мало, значит, много с чёрной?

– Нет, с чёрной аурой хоть и много, но у большинства людей аура серая. У кого-то светлее, у кого-то темнее, но всё равно серая.

– И у нас тоже серая? – произнёс Ромка.

– Рома, помнишь, я говорил про силу воли? Ну, что Зло поработает только слабовольных людей.

– Ну, говорил, и что?

– А то, что у людей, сильных духом и не одержимых корыстью, ауры всегда светлые.

И Геля решила выяснить:

– А у кого серая аура, их можно исправить, чтобы стала светлая?

– Вова уже сказал, как это делать, – ответил Кирилл. – Дело в том, что, когда человек совершает добрые поступки, бескорыстно помогает людям, даже когда он просто по-доброму о ком-то думает, светлее становятся и его аура, и ауры тех, кто находится рядом. В общем, чем светлее будут наши мысли, чем добрее мы будем относиться к людям, тем светлее будут становиться их и наши ауры.

– Интересненько, – заметила Геля. – Это чтобы светлели ауры, надо специально делать добрые поступки и про всех по-доброму думать?

– Нет, Геля, специально не получится. Добрый человек вершит добрые дела не на заказ, а просто потому, что он добрый. И вообще, добрые, светлые мысли всегда исходят от души, от сердца. Просто мы не всегда замечаем, что делается вокруг, и не видим, кто нуждается в нашей помощи или просто в добром слове. Надо просто всё замечать вокруг, и тогда мы сами, не по заказу, будем нести в наш Мир Добро и Свет. И это может оказаться посильней любой магии.

Вовка возразил:

– Кир, это ведь тоже магия.

– Конечно, магия, – согласился брат, – но эта магия доступна каждому из нас.

– Ага, – говорю, – доступна. А ты попробуй думать по-доброму, когда на тебя с кулаками прут. Самосвал, например. Или как тогда, у стадиона. Пока о них по-доброму думаешь, они тебе по-злему накомыливают – мало не покажется. Ты знаешь, что тут только что было? Мужик какой-то...

– Знаю про мужика. У того мужика после вашей с ним «задушевной беседы» брюки насквозь мокрые. Дождя, заметь, не было, так что это не от дождя. Знаешь, Сань, с «Галкиными» и «Самохваловыми» разговор может быть только жёстким, потому что другого они не понимают. В общем, любому злу надо давать беспощадный отпор, от кого бы это Зло ни исходило. Речь у нас не о Самохваловых и им подобных, а о нормальных людях, попавших под власть энергии Страха.

А Вовка мне напомнил:

– Санёк, Гоша нас по любому не тронет – выдрессированный уже.

– Да? А если не Гоша-Самосвал, а вот такой «Галкин»?

– Сань, ты ведь тоже кое-что умеешь. Разве не так?

– Ну... умею, вообще-то.

– Вот и не трусь. В случае чего пользуйся этим.

– Да, Саша, – поддержал Вовку брат, – Вова прав. Только, Саша, ты с этим будь осторожнее. Применяй эту силу только в крайнем случае и как я тебя учил.

Вот тут, чтобы вы поняли, о чём идёт речь, мне придётся сделать небольшое отступление от моего рассказа. Дело в том, что незадолго до описываемых событий нам пришлось биться с ужасным монстром, гиперпегоном.

Гиперпегон вырвался из подземной темницы, в которую ещё в античные времена был заключён Главным Хранителем Миров. Монстр собирался захватить Землю и сделать людей своими рабами. Короче, мы в той схватке победили.

После нашего боя с гиперпегоном у меня появилась способность взглядом превращать живое в камень. Я не знаю, откуда это во мне взялось. Может, я это от того чудовища перенял, а может, и от Кирилла.

Дело в том, что перед боем с гиперпегоном Кирилл учил меня выдерживать взгляд монстра, чтобы я сам не окаменел от его взгляда. Кирилл ведь тоже умеет взглядом превращать в камень, вот он и напускал на меня чары, а я должен был к ним привыкать, сопротивляться.

Так вот, значит, во время боя Кирилл гиперпегона самого превратил в каменное извращение. Он сделал это, когда почти обессилевший от битвы монстр бросился на меня. Кирилл передал мне энергию, а я, глядя в глаза чудовищу, послал эту энергию дальше. Чудовище от этого тут же окаменело. Так что неизвестно, от кого из них ко мне пришла эта сила.

А обнаружил я это случайно, на следующий день после нашего сражения с монстром. Подвалил ко мне на перемене Самосвал, то есть Гоша Самохвалов – школьный хулиган-переросток. Он был со своим дружком – с Барбоскиным. Ну и, как обычно, стали они требовать с меня деньги. Я, почему-то, в тот раз впервые их не испугался. Хотя ясно почему: они мне тогда, по сравнению с гиперпегоном, букашками казались.

Итак, подвалили они ко мне и деньги требуют, а я, всего-то что и сделал, просто взглянул на Самохвалова. Нет, не просто взглянул, а взглянул так, как во время боя в глаза гиперпегону смотрел. Честное слово, не хотел я, чтоб так получилось.

Так вот, короче, как только я взглянул на Самосвала, тот сразу стал каменеть. Я страшно испугался, подумал, что всё, что конец Самохвалову. Так, наверное, и вышло бы, если б не Кирилл. Хорошо, что он рядом оказался и сумел это остановить. А то стояла бы сейчас у нас в школе на самом почётном месте каменная скульптура хулигана Самохвалова.

Мне Кирилл потом объяснил, что если эту силу использовать не на всю мощь, можно просто обездвижить нападающего – на время. Он меня научил, как это делать. Вот это Муравьины и имели в виду, когда говорили, что я тоже кое-что умею.

– Слушай, Кирилл, – спросил Васька, – а нам с Юлей и с Ромой чего делать? У нас в деревне никакой злобности в людях нет.

– Не «чего делать», а «что делать», – поправила брата Юля.

– Да не придирайся ты, – обиделся Васька, а Кирилл ему возразил:

– Это пока нет, но площадь поражения растёт. Если это не остановить, то через несколько дней и у вас начнётся такое же. Так что вы всё равно приготовьтесь. А что делать, вы теперь знаете. В городе вам появляться сейчас трудно из-за школы. Я лучше сам буду у вас, когда надо будет.

– А если здесь понадобится? – поинтересовался Ромка.

– А в чём проблема-то? – удивился Кирилл. – Понадобится – я вас сюда телепортацией перемещу. Как сегодня. А остальные давайте собираться здесь после уроков и по выходным. В два часа дня, например. Идёт?

Геля тогда решила уточнить:

– Кир, а если погода плохая, если дождь? Меня родители не пустят, если дождь.

– Погода будет что надо, – пообещал Кирилл, – я это устрою.

– Как это – устроишь? – удивилась Юля.

Кстати, Юля тоже ходит во второй класс, но она старше Гели месяца на три, по-моему.

Итак, Юля спросила про погоду, а Кирилл говорит:

– Это просто. Вот, смотри.

Я чего уж только не видел, но чтоб такое, чтоб погода так быстро изменилась! Нет, я такого ещё ни разу не видал. В общем, тучи начали таять, и через пять минут в безоблачном небе сияло солнце. Несмотря на то, что Солнце стояло низко к горизонту, стало по-летнему тепло, от сырой земли пошёл пар. Вот это было чудо!

Мы поудивлялись, конечно, но не до ночи же удивляться, мы ведь не удивляться сюда пришли.

Вот Васька и спрашивает:

– Кир, а если энергия Страха никогда не закончится, чего тогда будет?

– Не «чего», а «что», – снова поправила Юля, а Кирилл ответил:

– Плохо тогда будет. Если это не остановить, Землю захватит Зло и начнётся Всемирный Хаос.

– Чего начнётся? – не понял Васька.

А Юля:

– Не «чего», а «что». Хаос начнётся. Не понял, что ли?

– А это чего – хаос?

– Хаос – это беспорядок. Только это не «чего», а «что». Тоже мне, большой, а говорить не умеешь... и не знаешь.

– Да хватит тебе! Перестань придирается! – чуть не со слезами закричал на неё Васька. – Чего пристала со своим «чего»?

– Не со своим, а с твоим.

Мне стало смешно. Хотя нет, не только мне – все засмеялись, кроме Васьки. Ведь забавно же: Васькина младшая сестра, которая всего-то во втором классе учится, всяких «взрослых» слов знает гораздо больше четвероклассника Васьки. Она к тому же и говорит «правильно», «по-взрослому», как Кирилл.

Так вот, значит, объяснила она брату, что хаос – это беспорядок, а Кирилл говорит:

– Правильно, беспорядок, даже ещё хуже. Поэтому наша задача – победить Страх.

Ну, мы ещё поболтали о всяком-разном и стали расходиться. Мы попрощались с кошелихинскими, и Кирилл вместе с ними исчез – телепортировался в Кошелиху. Мы с Вовкой и Тимкой проводили домой Гелю и уже оттуда сами отправились домой.

Глава 3. Суббота, трамвай, рынок

На следующий день, в субботу, с самого утра было пасмурно. Прогноз погоды грозил проливным дождём, но дождя ещё не было. Не было даже надоевшего промозглого ветра. В общем, было хоть и прохладно, но не очень сыро.

Мы в этот день не учились, поэтому я отправился с родителями на продуктовый рынок. Надо было помочь принести продукты.

Рынок от нас недалеко, но мы решили доехать до него на трамвае. Тревожное чувство появилось уже на остановке. Там стояли и ожидали трамвая ещё несколько человек. Все они, как мне показалось, смотрели на нас и друг на друга с плохо скрываемой злобой.

Когда подошёл трамвай, там такое началось! Мужики полезли вперёд, отпихивая женщин и не давая прохода тем, кому надо было выходить. А уж как они ругались! Мне даже слушать это было стыдно.

Но и тётки спуску не давали. Они дубасили лезущих в трамвай мужиков и выходящих из трамвая пассажиров сумками, кулаками, да и вообще чем придётся. Да и в «красноречии» они от мужиков не сильно отставали. Ужас, короче.

Пока шла потасовка, мы стояли и ждали. Битва закончилась, и мы спокойно вошли в вагон. В трамвае было свободно, даже не все места оказались занятыми. Непонятно, для чего нужно было устраивать драку при посадке.

Мы уселись на свободные места, но когда трамвай тронулся, чувство тревоги усилилось. Мне показалось, что вот-вот, прямо сейчас, произойдёт что-то плохое. И точно, позади нас послышалась громкая ругань. Я посмотрел туда: там какой-то дядька ругался с кондуктором. Ну, кондукторша тоже спуску не давала. Она обзывала дядьку такими словами, что лучше их не повторять.

В ссору мало-помалу начали ввязываться другие пассажиры. Одни заступались за дядьку, а кто и за кондуктора. От ругани в трамвае стоял такой гвалт, что вскоре совсем ничего нельзя стало разобрать. Пассажиры начали вскакивать с мест и чуть не устроили драку.

Я тоже начинал злиться. Даже не знаю, на кого я злился больше. Может, на дядьку, а может, на кондуктора. Вообще-то я на них обоих злился, да и на других пассажиров тоже. Это была не просто злость. Я почувствовал, что если бы у меня было оружие, я стал бы стрелять и в пассажиров, и в кондуктора, и даже в папу с мамой.

Когда я чуть ли не воочию представил себе этот ужас, мне стало страшно. Я понял, что это не мои чувства и мысли. Я понял, что моими чувствами управляет что-то чужое, враждебное. Это «что-то» хочет заставить меня сделать что-то страшное.

Ничего, Кирилл научил меня кое-чему. Я применил один из его приёмов. Я просто выгнал из себя это враждебное нечто, и злоба сразу пропала.

Я больше не злился ни на пассажиров, ни на кондуктора. Я словно прозрел, что ли. Я понял, что и пассажиры, и кондуктор скандалят не сами по себе, а кто-то или что-то враждебное, злое, завладело их волей и заставляет ссориться.

Мне ужас как жалко стало и кондуктора, и пассажиров. Я ещё подумал: «Интересно, куда едет этот дядька? Домой, наверное. Ну да, точно, домой. С покупками же».

А дядька был чем-то похож на моего папу. Хотя, вообще-то, не очень. Если честно, то он совсем не был на него похож. Это я только представил себе, что похож, даже сам не знаю почему. Я представил, с каким нетерпением ждут его дома жена, мама, сын. Подумал: «Дяденька везёт подарок сыну на день рождения. Хотя нет, это кукла. Значит, не сыну, а дочке».

Мне вдруг так захотелось, чтоб у этого дяденьки всё было хорошо. Ну, не только у него, а у всех: у кондуктора, у пассажиров. Я словно наяву представил себе, как дядя Миша приходит

домой, как он достаёт из сумки подарок. Вот они его распаковывают, открывают коробку. А сколько радости в глазах у Надюшки.

Я словно воочию увидел, как они всей семьёй садятся за стол. Вот тётя Лена – Надюшкина мама – открывает коробку с большущим тортом, который она принесла из холодильника, вставляет в него четыре свечи, зажигает...

Как только я представил себе всё это, начало что-то происходить. Улетучилась тревога, стало легко на душе, даже радостно. Казалось, что трамвай отпустили невидимые шупальца страшного и злого монстра. Из людей словно испарилась злоба. Почти сразу же прекратилась ссора, а когда подъезжали к рынку, дядя Миша извинялся перед кондуктором, а та говорила:

– Пустяки, я сама погорячилась. Это всё из-за погоды. Понимаете, очень угнетает эта слякоть... и холод. Так что это вы уж меня простите. Не сердитесь, пожалуйста.

– Ну что вы, что вы, – отвечал Михаил Евгеньевич, – это я сорвался. Даже не знаю почему. Наверное, и правда – погода.

Когда мы выходили на остановке, я, проходя мимо дяди Миши, сказал ему:

– Дядя Миша, поздравьте от меня Надюшку с днём рождения.

– Спасибо, Саша, обязательно передам твоё поздравление, – пообещал он и улыбнулся.

И от этой улыбки вся тревога, всё плохое совсем исчезло.

Вышли мы из трамвая, и я вдруг будто очнулся: «Что такое, – думаю, – откуда я узнал, что незнакомого дядьку зовут Михаилом Евгеньевичем? И что дочку зовут Надей, а жену Леной, что у Нади сегодня день рождения... Да, он ведь тоже узнал моё имя!» А тут ещё мама спрашивает:

– Саша, а ты откуда знаешь этого дяденьку? – а я не знаю, что и ответить. Я же и сам ничего не понял. Телепатия, что ли? Ну, я и сказал первое, что пришло в голову:

– Надя, – говорю, – в нашей школе, в четвёртом «А» учится.

Ага, учится, как же... Через три года будет учиться. Только не в четвёртом классе, а в первом. Да и не в нашей школе, кстати, а в сорок восьмой – в той, что на улице Бонч-Бруевича. Не понимаю, откуда я это узнал.

Оттого что соврал, на душе стало противно. Хотя есть у меня оправдание, я просто не знал, что ответить. В общем, настроение снова испортилось, а тут ещё рынок этот. Там тоже все нервные, озлобленные, да ещё дождь начал накрапывать. Снова накатила тревога.

Мы купили разных продуктов, и встали в очередь за картошкой. Впереди, прямо перед нами, стоял дядька. Продавщица ему уже взвешивала картошку. Картошка хорошая, в меру крупная. Знаете, есть такая, с красноватой кожурой. Она, если её поджарить, такой вкуснятиной становится – пальчики оближешь.

Ну ладно, взвешивает продавщица картошку, а тут возьми да и попади на весы одна мелкая картофелина. Подумаешь, какая важность. А дядька и давай орать:

– Ты что мне одну мелочь кладёшь, мымра старая?!

– Какая же это мелочь?! Глаза-то разуй, алкаш! – это уже продавщица отвечает.

– Сама ты алкоголичка со стажем! Только бы всех надуть! Вон, гниль одну мне наложила! Ведьма!

– Ой, ой, сам-то кто! Посмотрись в зеркало, наркоман.

Тут и люди, которые уже пристроились за нами в очередь, стали возмущаться:

– Чего ты лаешься как собака, барыга! – крикнула продавщица бабушка, которая заняла очередь за нами.

– Ты сама не лучше собаки! – крикнула в ответ продавщица.

Ну и пошло-поехало: на бабушку стала кричать стоящая за ней тётка; дядька, что стоял в конце очереди, стал по-всякому обзывать ту тётку и дядьку, который поругался с продавщицей. Я снова почувствовал в себе нарастающую злобу.

Злоба вместе со страхом – это, я вам скажу, что-то. Это было ещё хуже, чем в трамвае, когда я злился на пассажиров. И это снова была не просто злоба. Мне казалось, будто что-то страшное и злое снова пытается овладеть моей волей, моими мыслями и чувствами.

Я снова применил то, чему научил меня Кирилл. Я с силой, со злостью вышвырнул это нечто вон. Получилось. Мне даже показалось, что я услышал удаляющийся мучительный стон этого нечто. Хотя нет, не показалось. Я понял, что на самом деле это услышал. Это было похоже на стон свирепого, но смертельно раненного зверя.

Вы, наверное, спросите: почему я уверен, что мне это не показалось? Да очень просто. Дело в том, что это услышали все. Я видел, как люди в очереди и продавщица испуганно замолчали и замерли, а папа даже спросил непонятно кого:

– Что это воет?

Другой дядька из очереди сказал чуть ли не шёпотом:

– Сирена, что ли?

– Что-то не похоже, – это сказала какая-то тётенька из конца очереди.

– Будто какой-то зверь воет, – сказал папа.

В общем, то чему научил Кирилл, действовало безотказно. Главное, это оказалось не таким уж и трудным делом. Надо, оказывается, просто контролировать свои чувства, быть их хозяином, а не рабом. Эх, не знал я ещё, чем мне грозит такое «неповиновение» злу. Нет, не только мне, а ещё Геле. Но не буду забегать вперёд, лучше расскажу всё по порядку.

Итак, ссора прекратилась. Дядька, который поругался с продавщицей, уже уходил. Картошку он всё-таки купил. Я снова, как это было в трамвае, почувствовал, как что-то начало меняться. Я видел теперь вокруг себя не озлобленных людей, а людей несчастных, смертельно уставших, измученных происходящим. Мне их стало чуть ли не до слёз жалко.

Дальше – больше, у тех, кто встречался со мной взглядом, с лица сразу пропадало недовольное выражение, угрюмость, злость. Эти люди шли дальше, и те люди, мимо которых они проходили, тоже становились людьми. Мало того, ещё и дождь прекратился, из-за туч выглянуло солнце.

Итак, тревога пропала. Мало того, погода стала налаживаться. Вот вам и прогноз. Я ещё подумал с издёвкой: «Наверное, прогноз погоды у нас нагадывают астрологи. По звёздам. Например, тот пучеглазый Ротвельд Эдуардович с телевидения. Ну тот, что „раздаёт баллы“ разным „знакам зодиака“. Или гадалки по картам. А может, экстрасенсы по чему-нибудь „астральному“».

Поругавшийся с продавщицей дядька остановился около выхода с рынка. Вид у него был такой несчастный, что мне стало его жалко. Когда мы уходили с рынка, я, проходя мимо, мысленно как бы сказал ему: «Не расстраивайтесь, дядя Валера, это всё из-за погоды».

Мы уже вышли с рынка, а я оглянулся назад и увидел, что Валерий Александрович вернулся к прилавку и что-то говорит продавщице, похоже, извиняется. Та ему тоже что-то отвечает – без злости, улыбается даже.

Всё это я вижу даже издали. Главное, в очереди никто не возмущается. Та бабушка, которая назвала продавщицу барыгой, тоже уже купила картошку. Она тоже что-то говорит продавщице и Валерию Александровичу. Продавщица машет рукой, смеётся беззлобно. Дядька уходит от прилавка уже в хорошем настроении.

– Что ты всё время оглядываешься? – спросила мама.

Я говорю:

– Интересно, почему люди на рынке так часто ссорятся?

А папа:

– Если б только на рынке... В последнее время все стали какими-то нервными, раздражёнными. Погода, что ли, влияет?

– Да, – соглашаюсь, – наверно, это из-за погоды, – а сам знаю, что погода тут как раз и ни при чём.

Глава 4. Гнездо Зла

Когда мы вернулись с рынка, было уже почти двенадцать часов дня. Мама и бабушка быстро приготовили обед, и мы все сели за стол.

На второе, кстати, была та жареная картошка, которую мы принесли с рынка... Ой! Ну не так я хотел сказать. Нет, конечно же. Не жареная, а сырая. Фу ты! Опять что-то не то говорю! Совсем запутался. Я хотел сказать, что с базара мы принесли сырую, а бабушка её поджарила, вот она и стала жареная.

Мы пообедали, попили чаю. Я, кстати, чай с конфетами люблю. Не с любыми конфетами, а знаете, есть такие – суфле «Коровка» называются. Жаль только, что бабушка не даёт мне их много съедать. Она всё какого-то Диабета боится. Так и говорит: «Вот Диабет ударит – совсем не будешь есть сладкое». Интересно, кто это такой – Диабет? Главное, непонятно, при чём тут конфеты. Почему он из-за конфет может кого-то ударить?

После обеда дед уселся в своё кресло, стоящее около торшера и журнального столика, надел очки и стал в который уже раз перелистывать старые журналы.

Я подошёл к окну и не поверил глазам: только что было пасмурно и сыро, и вот уже за окном сияет солнце, на небе нет ни одной тучки и, похоже, стало тепло.

Я сначала подумал: «Надо же, как ошибся прогноз погоды, – но тут вспомнил, – это же Кирилл сделал! Он же обещал погоду поправить, вот и поправил... наверное». А я-то болван! Чуть не забыл про сбор.

Во втором часу дня я надел тёплую куртку, обулся и вышел на улицу. Зря, оказывается, я так укутался. На улице было самое настоящее лето, разве что деревья стояли без листьев. Короче, куртку пришлось снять и нести в руках.

Я решил сначала зайти за Тимкой и за Муравкиными. Смотрю, а Тимка сам идёт мне навстречу – с хозяйственной сумкой. Шёл он, ясное дело, не в парк. Если бы в парк, то зачем ему хозяйственная сумка? Я ему говорю:

– Привет. Ты что, не идёшь на сбор?

А он:

– Привет, Сань. Иду, конечно. Только за хлебом сгоняю. Я сейчас, я мигом.

– Ладно, – говорю, – я тогда за Вовкой и за Кириллом зайду.

– Ну давай, – сказал Тимка и отправился за хлебом, а я пошёл к Муравкиным.

Ни Вовки, ни Кирилла дома не оказалось. Их отец, Константин Иванович, сказал, что они час назад ушли в парк. Мне, что делать, пришлось топтать туда одному.

Прихожу, значит, я на гиблое место, а там уже все собрались, но главное, и Тимка тоже там. До сих пор не понимаю, как у Арчибасова получается везде успевать.

Ну ладно, собрались мы. Погода отличная: солнце сияет, от земли пар идёт; теплынь стоит такая, будто это не конец осени, а середина лета. «Что, – соображаю, – люди об этом подумают?» Кстати, и Кирилл, и Вовка одеты по-летнему, не то что остальные.

– Ну, что ж, – говорит Кирилл, – раз все пришли, не будем дожидаться двух часов. Тем более что есть неплохие новости. Почти весь Приокский район, и не только Приокский, очищен от Страха.

– Интересненько, – говорит Геля, – мы же ничего ещё не сделали.

– Как это, не сделали? А ты?

– Я?! А что я?

– А разве не ты вчера разговаривала с дядей Гришей?

– С дядей Гришей? Около подъезда?

– Ну.

– Интересненько, а ты откуда узнал?

– Долго объяснять. Главное, что одним злом на Земле стало меньше.
– Интересненько, каким это злом?
– Одним алконавтом меньше стало на Земле. Это, наверное, потому что ты с ним поговорила.

– Он умер?! – испугалась Геля.
– Ну что ты такое придумала? Вспомни, о чём ты с ним разговаривала.
– Ни о чём. Просто он пьяный был и уснул на скамейке около подъезда, а дождик шёл. Я его разбудила, чтобы он пошёл домой. А то замёрз бы и заболел.

– И этого уже не так мало, – сказал Кирилл. – Даже только то, что ты его пожалела, было нехилой пощёчиной Злу, но это ещё не всё. Ты ведь ему ещё что-то сказала.

– Я хотела, чтобы он больше не пил вина, и просила его, чтоб не пил. Мне его жалко, что пьёт. От этого же болеют и умирают.

– Вот он никогда больше и не будет пить никакой отравы. Он поклялся перед семьёй, что больше к этой гадости не притронется. Знаешь, он всю отраву вылил в туалете, даже пиво. Но дело не только в этом.

– Интересненько, а в чём?

– А в том, что в вашем доме было гнездо Зла. Дядя Гриша, сам того не зная, был для Зла проводником Страха. Потеряв пьяницу, силы Зла ослабли. Энергия Страха пропала не только на вашей улице, но и на соседних. Излучённая энергия Добра достала даже до микрорайона Дубёнки. Там Зло тоже было в агонии¹. Мы с Вовой там сегодня побывали и добились его уже нашими, магическими, способами.

А вот того, что я услышал от Кирилла дальше, я не ожидал.

– Теперь об успехах Рябинина, – сказал он. – Саша, у тебя это классно сегодня получилось.

Я сначала не врубился:

– Что получилось-то? – спрашиваю.

Кирилл удивился:

– Как это что? Забыл, что сегодня было в трамвае? А на рынке? Ты тех людей так зарядил энергией Добра, что они разнесли её даже за пределы нашего района.

Как только Кирилл напомнил про трамвай, я сразу понял, о чём он. И как я сразу не догадался?

Спрашиваю его:

– Кир, а ты всё знаешь, как там было?

– В общих чертах знаю, – отвечает.

– Тогда скажи: почему я узнал, как зовут тех, о ком я думал?

– В каком это смысле «узнал»? – удивился Кирилл.

В общем, оказалось, что Вовкин брат знал не всё, и мне пришлось ему об этом рассказать. Он выслушал меня, не перебивая. Было заметно, что он удивлён, хоть и старается не подавать вида. Когда я закончил рассказ, Кирилл произнёс задумчиво:

– Да-а-а, Санёк. Похоже, Главный Хранитель Миров был насчёт тебя прав.

Я удивился:

– Насчёт меня?! Главный Хранитель?!

– Да, Сань, насчёт тебя. Знаешь, в этом есть какая-то тайна.

– Какая ещё тайна? – спрашиваю. А Кирилл:

– Во-первых, ты с самого начала был почти неподвластен чарам гиперпегона. Ты от его взгляда не окаменел даже при первой встрече. Тебе потребовалась лишь небольшая трени-

¹ Агония (от греческого *αγώνια*) – предсмертные муки.

ровка, чтоб научиться выдерживать его взгляд сколько угодно. Во-вторых, ты научился летать, не обладая магическими знаниями. Теперь ещё это.

– И что это значит-то?

– Это значит, – ответил Кирилл, – что у тебя, возможно, есть способности к магии.

– У меня?! Способности к магии?! – Нет, я не мог в это поверить. А Кирилл говорит:

– Да, у тебя. Ты ведь научился летать?

– Ну.

– Вот тебе и ну. Ты знаешь, сколько нужно времени, чтобы освоить левитацию?²

Я не знал, конечно. Я просто первый раз полетел во сне... то есть я думал, что во сне, но оказалось, я не спал. Я каким-то чудом попал в Мир Снов по-настоящему. После этого я смог летать и в нашем мире. Но сколько времени надо другим, чтобы этому научиться, я не знал. Я и сказал Кириллу, что не знаю. А он говорит:

– Так вот знай, что у многих на это уходят годы, и это у тех, которые уже знают теорию. Это только у меня и у Вовы почему-то быстро получилось, но это отдельная история. А ты мог бы летать сразу, как только родился.

– А почему не летал? – спрашиваю.

– Потому что не знал, что можешь, – ответил Кирилл. – Как узнал, так сразу и полетел. Это у тебя врождённое. И не только это, по ходу. Об этом мы ещё поговорим.

Дошла, наконец, очередь до Тимки. Кирилл его спрашивает:

– Тим, как же это получилось-то? Ну там, около кинотеатра. Неужели нельзя было по-другому всё уладить?

– Ага... уладишь с ними... Я, думаешь, хотел устроить драку? Это они начали. Тётка-то сразу убежала, как только я ей сумку вернул, а они попёрли, идиоты. Они типа Самосвала – тупые. Не поняли с одного раза, когда я у «качка» сумку отобрал. Могли бы понять, что если я его так легко «уронил» носом в клумбу, то не стоило лезть в драку. И вообще, ты же сам говорил, что с ними надо разговаривать жёстко.

– Ну, говорил. Это же не значит, что надо калечить. Неужели нельзя было поаккуратнее?

– Да не получилось поаккуратнее! Их же было двое! Как ты не понимаешь?! Мне пришлось быстро отбиваться. Я же «качка» покалечил случайно. Ну не смог рассчитать силу удара. Сзади же второй нападал – с ножом.

– У второго тоже сильный ушиб, и ещё он правой рукой долго не сможет двигать.

– А руку я ему что, нарочно, что ли повредил. Не рассчитал, когда отбирал нож.

– Ладно, это пустяк, а первого у «качка» сломаны два ребра.

– Сломаны... Я что, по рёбрам бил? Нечего было этому дутышу телесами вилять. Стоял бы этот горе-каратист спокойно, получил бы в солнечное сплетение, а не по рёбрам. Отдохнул бы пару минут, отдышался, встал и пошёл с полицейским в отделение. Полицейский вообще сказал: «Жалко, что не насмерть».

– Это как?! Полицейский?! Такое сказал?! Не понимаю.

– А что тут понимать-то. Эти урки каждый день грабили, а поймать их не могли, потому что они всегда были в масках и в разных местах. Никто не мог описать их лиц. Когда я их вырубил, оказалось, что это племянники какой-то важной шишки из администрации соседнего района. Таких родственников очень трудно посадить в тюрьму. Дядя не даст в обиду. Даже до суда не дойдёт.

– Ерунда. Ещё как дойдёт. Это дело поручили нашему отцу, а он всегда дела до конца доводит. Теперь этим гопникам не поможет никакой влиятельный дядя. Ты же знаешь.

² Левитация (от латинского *levitas* «лёгкость, легковесность») – явление, при котором предмет без видимой опоры парит в пространстве, не падая вниз.

Из разговора я понял, что Тимка за кого-то заступился и ввалил грабителям по полной программе. Да уж, Тимка такой. Он кому хочешь даст отпор, не то что я.

Итак, Тимка объяснил Кириллу, почему так получилось, и Кирилл сказал:

– Ладно, проехали. На этот раз обошлось. Тот придурок, оказывается, не в реанимации. Это журналюги наплели, что в реанимации. Его в общую палату положили. Рёбра срastутся – выпишут. Только наперёд будь осторожнее.

– Постараюсь... если получится, – пообещал Тимка.

– Ну ладно, – продолжил Кирилл. – Хоть город пока во власти Страха, но кое-что удалось изменить к лучшему.

Геля спрашивает:

– А кто спасёт от Страха весь город?

– Мы и те люди, которые впитали полученную от нас энергию Добра. Но есть проблема.

– Какая? – спросил Тимка.

– Знаешь старый двухэтажный дом на Глазунова?

– Это тот розовый с двумя подъездами?

– Да, тот самый. Там творится что-то нехорошее. Не знаю, что, но прислужница Вселенского Зла Великая Тьма пытается всеми силами сохранить контроль над тем местом. В общем, там тоже гнездо Зла. Там до сих пор осталась энергия Страха. Главное, она растекается оттуда на соседние дома.

Когда Кирилл сказал это, я тоже вспомнил тот дом. И правда. Как-то раз, проходя мимо того дома, я почувствовал что-то нехорошее. Нет, это было ещё раньше, когда ещё не было той непонятной тревоги. Тогда я не придавал этому значения, а теперь вот вспомнил.

Геля спросила:

– И что нам теперь делать? Идти туда?

Кирилл ответил:

– Геля, я думаю, что надо сначала всё разведать, познакомиться с кем-нибудь из пацанов или девчонок из того дома, поговорить с ними.

– Ага, – говорю, – а если там нет ни пацанов, ни девчонок? Дом-то маленький.

– Не знаю, Сань. Надо сначала просто сходить туда и посмотреть, что там да как. Это же совсем рядом.

– А кто пойдёт? – спрашивает Вовка.

– Вов, давайте вы с Сашей. Саша, ты как? Сходишь с Вовой?

Ну а мне что, мне всё равно куда идти, вот я и согласился.

Глава 5. Мозгопудрик жжёт

Субботный день закончился ненастьем. Казалось, что стихия старается с лихвой наверстать то, что ей помешали сделать днём. За окнами быстро стемнело, завыл ветер, забарабанил в оконные стёкла дождь. В промозглой мгле понеслись по небу серые тучи.

Вскоре ветер превратился в настоящий ураган. Он поднял с земли опавшие и перемешанные с грязью листья, мелкие ветки, куски рубероида, клочки грязной бумаги – в общем, всякий мусор. Всё это летало, кружилось, ударялось об оконные стёкла, оставляя на них грязные следы. Эта грязь, правда, тут же смывалась струями дождя.

В общем, за окнами бушевала стихия, зато дома было тепло и уютно. Вы замечали когда-нибудь, что домашний уют сильнее всего ощущается, когда на улице бушует ненастье? Замечали? Вот и мне нравится наблюдать из окна за непогодой, особенно по вечерам. Сидишь у окна и смотришь, как буйствует стихия, и знаешь, что ни дождь, ни ветер, ни холод не ворвутся в дом, не нарушат домашнего тепла. От этого делается так хорошо, так спокойно на душе.

Я поставил около окна гостиную стул и уселся на него. Нет, я не в окно смотрел. Я просто сидел у окна и созерцал комнату. Мне было хорошо, а главное, не было той тревоги, что преследовала меня уже почти месяц.

В гостиной горел торшер. Мягкий приятный свет от него сквозь шёлковый абажур струился на обеденный стол, освещал пол и нижнюю часть стен. Абажур отбрасывал на потолок и в дальние углы гостиной сказочные оранжево-зелёные полутени. Большая часть комнаты была укутана в волшебный полумрак.

Возле торшера стоял журнальный столик, а на нём кипа газет и журналов. Дедушка, надев очки с крупными стёклами, в толстой старинной оправе, сидел в кресле около торшера и читал «Вечернюю газету». Бабушка и мама «колдовали» на кухне. Папа что-то писал или чертил, сидя за письменным столом в его с мамой комнате. Мы готовились к ужину, а по телевизору шли новости – «Вечер трудного дня».

Да уж, трудный выдался день: драки, грабежи, угоны автомашин. В Автозаводском районе даже милицейскую... ой, то есть полицейскую машину угнали. Всё время путаюсь с названиями. И зачем только переназвали милицию полицией? Ну ладно, переназвали и пусть, раз ничего умнее не придумали.

Ну, так вот, угнали, значит, полицейскую машину. Представляете? Прямо у них из-под носа увели, из их гаража! И как только смогли? Гараж-то, интересно, охраняется или как?

Итак, в городе творилось что-то немыслимое. А вот в нашем, Приокском, районе всё было спокойно. «Неужели, – думаю, – это из-за нас?» Хотя я в этом был теперь уверен. Я ведь видел ещё в трамвае и на базаре, как от отношения к людям, от того, как о них думаешь, меняется всё вокруг.

В конце выпуска новостей был прогноз погоды и репортаж ведущего программы с учёным-синоптиком. Речь шла о сегодняшней погодной аномалии. Помните, что Кирилл сделал с погодой? Ну так вот, это о том самом.

Учёный говорил, что летняя погода в ноябре наблюдалась впервые. Он ещё говорил, что учёные не могут объяснить, каким образом погода смогла поменяться так стремительно. И правда, за несколько минут потеплело почти с нуля градусов до двадцати пяти тепла. Мало того, к вечеру температура так же быстро снизилась «до ноябрьской нормы».

Итак, по телеку выступал синоптик, а бабушка принесла с кухни кастрюльки с едой и позвала нас к столу. Мы уселись. Папа с мамой сели рядом со мной, а бабушка с дедом – с другой стороны стола.

Мы приступили, как любит говорить дедушка, «к трапезе». В это время учёного на экране телевизора сменила «ясновидящая экстрасенсорша». Фамилия у неё подходящая для экстрасенсов – Мозгопудрик-Светоконцевская.

Я не понимаю, почему эти идиоты и прохиндеи называют себя ясновидящими. По-моему, у многих людей нет проблем со зрением, и они всё видят ясно. Я тоже, кстати, очень хорошо и ясно всё вижу, но меня почему-то ясновидящим никто не называет. А эта дура, хотя бы на время выступления на телевидении, сняла очки, а то тоже мне – ясно видящая в очках.

Ну ладно, очки очками, зато она, в отличие от каких-то там «вшивых учёных», во всём «разобралась», всё «разложила по полочкам». Она такое отпустила, что мы от смеха чуть не сползли со стульев под стол. Я вам сейчас прочитаю то, что папа успел записать. Вот, слушайте, что эта идиотка болтала:

«Летняя погода проникла к нам из параллельного мира с перпендикулярным эксцентриситетом³ апогея перигелия⁴, потому что образовалась пространственно-торсионная энергетическая трещина в эпицентре⁵ тонкой полевой микролептонной структуры перпендикулярно-параллельного супер-гипер-квази-мета-мезо-мили-кило-псевдо-ультра-пико-микро-моно-мульти-нано-мега-гига-анти-нуль-пространства».

Уф! Еле выговорил. Хорошо, что папа этот «словесный понос» (это его слова) написал через чёточки, а то и прочитать было бы непросто. Как он только это запомнил? А экстрасенсорша смогла это на одном дыхании произнести. Наверное, долго тренировалась перед выступлением.

Экстрасенсорша рассказывала ещё о нечистой силе, о святом духе, о каких-то то ли черепашках, то ли чебурашках... А, вот, вспомнил – о барабашках. В общем – умора. И верят же некоторые в такую чушь⁶.

Папа всегда записывает такие глупости. Ну, те, что всякие ненормальные выдают с экранов телевизоров, со страниц газет и журналов, с рекламных щитов. Он говорит, что это нужно сохранить для потомков, которые, может быть, станут умнее теперешних малограмотных болтунов. Пусть потом читают это и смеются над сегодняшними дураками.

Кстати, меня больше всего прикалывает реклама про «суперцены» и про «убойный кредит». Те, кто эту рекламу придумали, даже не догадываются, что суперцены – это ужасно высокие цены, а не низкие, как они думают. Про убойный кредит я уж молчу – это вообще ужастик какой-то.

Ну ладно, экстрасенсорша закончила нести словесную пургу, мы закончили ужин, а по телеку началась моя передача – «Спокойной ночи, малыши!».

Папа всё смеётся, что я это смотрю, а мне эта передача нравится. Что поделаешь, если привык я к ней с малышоваго возраста. Главное, после этой передачи легко засыпается, и снятся хорошие сны. Вот я и отправился спать, как только посмотрел мультик.

³ Эксцентриситет – (из геометрии) числовой параметр, показывающий степень отличия эллипса от окружности. Для окружности эксцентриситет равен нулю. Чем больше вытянут эллипс, тем больше эксцентриситет.

⁴ Апогей – наивысшая точка орбиты спутника Земли, а перигелий – самая низкая точка орбиты вокруг Солнца.

⁵ Эпицентр – точка, расположенная над центром чего-либо. Например, эпицентр землетрясения. В силу упадка грамотности во второй половине 20-го века, это слово стали применять не по месту, не понимая его смысла. Например, часто говорят: «эпицентр событий», «эпицентр праздника» и так далее.

⁶ Люди, которых называют экстрасенсами, ясновидящими, колдунами, часто для оболванивая людей используют научные термины, смысла которых не понимают, и примешивают к ним религиозные мифы и суеверия.

Глава 6. Артём

К утру непогода уgomонилась, стих ветер, прекратился дождь. Даже облака стали не такими плотными, как были вчера, и сквозь них иногда пробивался солнечный свет.

Примерно в девять утра за мной зашёл Вовка. Он прямо с порога, как только мама открыла дверь, спрашивает:

– Сань, ты готов?

Мама удивилась:

– Куда это вы собрались ни свет ни заря?

– Да мы недалеко, – говорит Вовка. – Мы на Глазунова к друзьям. К обеду вернёмся.

– Опять уроки запустишь. Ладно, только не задерживайтесь допоздна, а то уроки не выучишь.

– Выучу, – говорю, – ещё целый день впереди.

В общем, я надел куртку, обулся, и мы вышли из дома.

Улица Глазунова недалеко от нас, она образует перекрёсток с улицей 40 лет Октября и от этого перекрёстка начинается. Нужный нам дом недалеко от перекрёстка. Короче, через пятнадцать минут мы были у того дома.

Ну что же, дом как дом, ничего особенного: оштукатуренные стены; железная крыша, покрашенная в коричневый цвет; две кирпичные трубы – в общем, обычный двухэтажный дом старинной постройки.

Как только мы оказались на Глазунова, я сразу заметил что-то странное. Темнее, что ли, стало? Я сказал об этом Вовке, а он говорит:

– Да, точно, потемнело. Давай выйдем назад, на 40 лет Октября, и сравним.

Мы вышли – стало светлее. Делаю шаг в сторону улицы Глазунова – становится темнее. «Ничего себе», – думаю, а Вовка говорит:

– Да-а-а. Дела.

Мы попробовали ещё несколько раз пройти вперёд и назад – тот же эффект. То есть шаг вперёд – темнеет, шаг назад – светлеет. Прохожие идут мимо – удивляются, наверное, что туда-сюда шагаем. Наверное, думают, что мы сошли с ума. А Вовка говорит:

– Ладно, про это у Кирюхи спросим. Он-то, наверное, знает, в чём тут заморочка. Пойдём во двор.

Зашли мы во двор дома и видим: на скамейке около ближнего к нам подъезда сидит мальчишка. На вид – ученик третьего класса. Хотя не знаю, может, и не третьего. У нас, в четвёртом, тоже есть мальчишки такого мелкого роста, хотя есть и такие, которые даже выше Кирилла – Тарас Канторов, например.

У дальнего подъезда тоже какие-то парни. Их трое. Они явно нас старше. Стоят, о чём-то тихо разговаривают. Мне они сразу не понравились. Было в них что-то такое... мрачное, что ли. И Вовке они не понравились. Он снова что-то сказал про ауру, типа того, что она у них фиолетовая. В общем, мы к ним не пошли, а решили познакомиться с тем, что сидел на скамейке. Подходим, и Вовка говорит ему:

– Привет. Тебя как звать?

Мальчишка смотрит на нас, не пойму, то ли со злостью, то ли с испугом. Молчит. Я только теперь хорошо его рассмотрел: лицо худое, бледное, да и сам худющий. На нём тёплая красная куртка, джинсы с множеством карманов, коричневые ботинки.

Вовка у него спрашивает:

– Что молчишь-то?

– Чего вам надо?! – отвечает.

– Да так, ничего, – говорит Вовка. – Познакомиться хотим. Что ли, нельзя?

– А потом обзывать и драться, да?

Я говорю:

– Почему ты думаешь, что мы будем обзывать или драться?

И Вовка тоже сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.